ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Кафедра истории древнего мира и средних веков, руководимая проф. М. Я. Сюзюмовым, выделилась в самостоятельную научную организацию в 1963 г. До этого часть ее членов работала при кафедре всеобщей истории университета (организована в 1938 г.) или при одноименной кафедре Свердловского государственного педагогического института (слился с университетом в 1955 г.).

В основе исследовательской тематики кафедры лежит проблема города как общественного института, существующего в продолжение ряда формаций, его места и роли в структуре общества времен Римской империи и в период, переходный к феодальному строю. Сохранение континуитета эллинистически-римского города, его основных функций в борьбе с локальными пережитками родо-племенного общества в продолжение переходного периода на «стыке» истории древнего мира и средних веков — вот главные вопросы ведущихся при кафедре исследований.

Комплексное единство тематики исследований работников кафедры охватывает тем не менее весьма различные объекты: такие, как специфика частного римского права постклассического периода в теории города (М. Я. Сюзюмов) или становление города как центра экономики и культуры и его роль в структуре галло-римского общества I—II вв. н. э. (Н. Н. Белова). Особое место занимают археологические раскопки, проводимые силами кафедры (Е. Г. Суров, В. Н. Даниленко), преимущественно в Херсонесе, история которого является как бы звеном, связывающим между собой историю древнего мира, средних веков и отечественную историю. В связи с пережитками античности изучается и структура поздневизантийского города (М. А. Поляковская), производства и товарного хозяйства в Византии (А. В. Сметанин и А. Г. Романчук).

Руководитель кафедры, византист М. Я. Сюзюмов неоднократно выступал на страницах ВДИ. М. Я. Сюзюмов опубликовал здесь статью о происхождении слова «Россия», возводя греческую транскрипцию слов «Рос», «Роспа» к библейскому Ρῶς (в переводе 70 толковников) ¹.

В 1951 г. М. Я. Сюзюмов выступил против установившегося в нашей литературе пренебрежительного отношения к вопросам права, к так называемому «юридическому подходу» ². В 1955 г. в ходе организованной ВДИ дискуссии о роли процессов феодализации в поздней Римской империи ³ М. Я. Сюзюмов полемизирует с тезисом Е. М. Штаерман о феодальном характере Римской империи IV—V вв. Правительство поздней Римской империи, считает он, использовало стихийно возникающие элементы феодальных отношений, но не для ликвидации старых отношений, а для укрепления рабовладельческого государства. Частичное использование новых отношений для укрепления разлагающегося старого общества М. Я. Сюзюмов считает закономерным в периоды перехода к новым формациям. В статье особо отмечена исторически прогрессивная роль Византии, сохранившей многое из античной культуры.

В 1958 г. М. Я. Сюзюмов выступает с полемикой против попыток отрицать роль наемного труда в Римской империи (по поводу статьи И. В. Шерешевского, который считал факт свободного соглашения о найме свободного лица пзымышленным модернизаторов-юристов) ⁴.

¹ М. Я. С ю з ю м о в, К вопросу о происхождении слов Ρῶς, Ρωσία, Россия, ВДИ, 1940, № 2.

² О н ж е, Еще раз о юридических источниках для истории колоната, ВДИ, 1951, № 4.

³ О н ж е, К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, ВДИ, 1955, № 1.

⁴ О н ж е, О наемном труде в период кодификации римского права, ВДИ, 1958, № 2.

Поскольку во всех статьях М. Я. Сюзюмова постоянно отводилось большое внимание данным римского права — то мы можем отметить, что и в статьях, специально посвященных Византии, часто разбирался вопрос о влиянии римских юридических норм в условиях Византийской империи⁵. Другие, также затронутые в работах М. Я. Сюзюмова вопросы, связанные с проблемой кризиса и падения античного полиса в Византии в IV в. (главным образом по данным Либания), тоже относятся и к истории Византии и к истории древнего мира⁶.

Изучение истории поздней Римской республики и Галлии раннеимперского времени было начато Н. Н. Беловой рассмотрением вопроса о взаимоотношениях Рима и италиков в III—I вв. до н. э. в связи с социально-экономической эволюцией Рима и Италии и борьбой широких масс италийских общин с римско-италийскими рабовладельцами⁷. Затем Н. Н. Белова перешла к изучению проблемы социально-экономических отношений в римской Галлии⁸.

Изучение дискутируемого в зарубежной историографии вопроса об особенностях рабовладения в Галлии (специальных работ советских ученых нет) привело автора к выводу о том, что в этой провинции рабство, хотя и получило дальнейшее развитие в I—II вв., однако не достигло уровня, характерного для Италии и других областей классического рабства. Параллельно с рабством продолжала сохраняться в Галлии кельтская форма зависимости — клиентела, имевшая здесь впоследствии немалое значение в развитии колониальных отношений⁹.

Среди причин экономического расцвета галло-римских городов в раннеимперское время Н. Н. Белова отмечает, во-первых, потребности развивавшихся здесь рабовладельческих хозяйств, римского общества и государства (в лице армии, паразитирующего римского люмпен-пролетариата и т. п.), во-вторых, большое место, какое занимал в производстве труд свободных и вольноотпущенников, по сравнению с трудом рабов. Здесь была одна из причин того, что галльские города по темпам и уровню экономического развития опередили в конце концов города Италии, где производство было основано почти сплошь на рабском труде¹⁰.

Особое внимание было уделено исследованию городского строя в римской Галлии I—II вв., поскольку этот вопрос связан со многими социально-экономическими проблемами, например, с проблемой взаимоотношения города с деревней. Было обращено внимание на то, что кельтская *civitas*, хотя и сохранилась в римские времена как административно-политическая организация, однако претерпела существенные изменения, выпавшие из поля зрения ученых, склонных рассматривать ее неизменной на всем протяжении галло-римской истории. *Civitas* вначале еще родоплеменное объединение с только что наметившимися кое-где органами публичной власти, галло-римская *civitas* — это уже государственная, рабовладельческая по своему классовому содержанию, организация. Городской центр становился опорным пунктом романизации и средоточием местной аристократии, на которую опирался Рим в своей провинциальной политике. Наибольший успех муниципализация имела лишь в тех районах, где имелась объективная социально-экономическая основа для утверждения рабовладельческих отношений. В других местах она вызывала иногда сопротивление местного населения, охватывала только частично территорию *civitas* и выглядела довольно искусственным насаждением. Наряду с *civitas* с римским или латинским правом, сохранились свободные или федеративные общины, управлявшиеся на основе местных обычаев. Даже в городах с римским или латинским правом сохранялись магистратуры кельтского происхождения¹¹.

В тесной связи с муниципализацией изучался вопрос о землевладении в галльских городах. Был сделан вывод о том, что для аграрного строя Галлии раннеримского периода характерно развитие муниципального, рабовладельческого землевладения. Помимо муниципализации и действия римского права насаждению частнособственнических отношений и развитию частного рабовладельческого землевладения в Галлии содействовали потребности римско-италийских рабовладельцев и государства в хлебе и сельскохозяйственных продуктах, а также те мероприятия римского пра-

⁵ О н же, О социальной сущности законодательства «Василик», «Визан. врем.», VI, 1953.

⁶ О н же, Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в., УЗУРГУ, вып. 11, 1952.

⁷ Н. Н. Белова, Римско-италийские отношения в конце III—начале I вв. до н. э., УЗУРГУ, вып. 16, 1957.

⁸ О н а же, Социальные движения в Галлии в I—II вв., ВДИ, 1952, № 4.

⁹ О н а же, Данные эпиграфики о рабовладении в римской Галлии, ВДИ, 1954, № 3.

¹⁰ О н а же, Об экономическом состоянии галльских городов в I—II вв., УЗУРГУ, вып. 25, 1958.

¹¹ О н а же, Городской строй в римской Галлии в первые два века н. э., АДСВ, вып. 1, 1960.

вительства, которые имели своим следствием известное перераспределение земельной собственности в Галлии за счет конфискации земель у одних лиц или общин и передачи их другим (посредством основания на экспроприированных землях колоний и римско-италийских доменов).

Типичной формой земельного владения в это время была вилла средних размеров. Чаще всего такие виллы обнаруживаются при раскопках в наиболее романизованных районах. Экзимирированных территорий в это время не наблюдалось. Относительно невелик был удельный вес императорских владений в Галлии. Крупные частные домены, также довольно редкие, были подчинены муниципальной юрисдикции. Концентрация земельной собственности осуществлялась, главным образом, за счет оккупации общественных земель муниципия. Наряду с виллами, расположенными на городской территории, велик был удельный вес хозяйств свободных крестьян на землях, приписанных и не приписанных к городам. В этом автор видит важную особенность аграрного строя Галлии изучаемого времени¹².

Новые публикации источников, появившиеся недавно во Франции, позволили прийти к выводу о том, что в условиях значительного развития товарно-денежных отношений и наличия свободных городских земель в Галлии уже в период ранней Империи создавались предпосылки для концентрации земельной собственности в руках частных лиц и развития на этой основе крупных доменов с последующим их выходом за пределы муниципия, т. е. превращением их в экзимирированные владения¹³.

Н. Н. Белова опубликовала также несколько работ о производственных отношениях в области ремесла — они посвящены гончарному делу. Автор проследил географическое размещение центров этого ремесла, особенности стилей керамики и значение ее в экономической жизни Галлии и Империи. Особо отмечено значение производства гончарных изделий широкого потребления, сохранявших тельские традиции в технике изготовления и в орнаменте; отмечено также, что центр тяжести керамического производства постоянно перемещался из южных и центральных областей Галлии, где производилась terra sigillata, отражавшая приемы римско-италийских мастеров, на северо-восток, в Белгику и рейнские пограничные районы¹⁴.

Отдельная статья была посвящена вопросу о характере труда в гончарном производстве Галлии¹⁵.

В настоящий момент Н. Н. Белова работает над комплексом проблем, касающихся галло-римской виллы I—III вв. как хозяйственной ячейки и связи ее с городом.

Исследование земледелия Херсонеса Таврического было начато на кафедре в конце 30-х гг., когда еще не было ни достаточных археологических данных (раскопки Н. М. Печенкина, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича и разведки В. П. Лисина давали материал только для постановки вопроса), ни специальных исследований советских историков. Для изучения была избрана наиболее важная отрасль земледелия древних греков — виноградарство и связанное с ним виноделие, что позволяло шире пользоваться аналогиями и свидетельствами античных авторов.

При изучении архива Херсонесского музея Е. Г. Суворову удалось прочесть черновые чертежи М. И. Скубегова. Данные этих чертежей и обнаруженная им на Гераклейском полуострове давальная площадка позволили дать реконструкцию виноградно-пресса¹⁶, которая была признана вполне правомерной¹⁷.

После выхода в свет обобщающей работы В. Д. Блаватского о земледелии в античных государствах Северного Причерноморья и монографии С. Ф. Стржелецкого о клерах Гераклейского полуострова пришлось вновь вернуться к рассмотрению ранее поставленных проблем, пересмотреть или уточнить некоторые положения¹⁸.

¹² Н. Н. Белова, О землевладении в галло-римских городах в первые века н.э., преимущественно по данным эпиграфики, АДСВ, вып. 2, 1963; она же, Особенности социально-экономического развития галло-римских городов в первые века нашей эры, НСУ, Свердловск, 1963.

¹³ Она же, рец. на публикацию А. Пиганьоля, ВДИ, 1965, № 2; она же, Новые эпиграфические данные о землевладении в римской колонии Оранж, УЗПГУ, № 143, 1966.

¹⁴ Она же, К истории гончарного ремесла в римской Галлии I—III вв. (обзор керамических центров), АДСВ, вып. 5, 1966.

¹⁵ Она же, Эпиграфические данные о характере труда в гончарном ремесле римской Галлии, ВДИ, 1967, № 1.

¹⁶ Е. Г. Суворов, К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом, УЗМГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. 1, М., 1942.

¹⁷ В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953 (на стр. 145 воспроизведена реконструкция Е. Г. Суорова).

¹⁸ Е. Г. Суоров, К вопросу о херсонесских клерах, АДСВ, вып. 5, 1966.

В конце 40-х гг. было начато исследование другой важной отрасли херсонесской экономики — рыболовства и связанного с ним рыбозасолочного промысла. Для изучения этого промысла больше всего дают так называемые цистерны (в 1966 г. было закончено исследование 91-й цистерны). При раскопках цистерн в дореволюционное время на них не обращалось должного внимания — они лишь фиксировались на планах, и иногда в отчетах содержались некоторые сведения о конструкции и отдельных вещах, обнаруженных в засыпи.

Нужно было ввести в научный оборот все имеющиеся архивные данные о цистернах¹⁹. Публикуя эти материалы, Е. Г. Суворов высказал некоторые соображения о времени функционирования цистерн, о причинах развития рыболовного промысла. Однако прочной опоры в источниках для разрешения этих вопросов в то время еще не было. К тому же публикация подготавливалась в последние годы Отечественной войны, когда не было возможности прокорректировать данные архива на месте. Это привело к некоторым досадным неточностям (например, три цистерны, обозначенные К. К. Косцюшко-Валожиничем в разных документах различными условными знаками, оказались отмеченными в общей таблице дважды).

В результате раскопок, начатых Е. Г. Суворым в 1958 г. в северо-западной части Херсонесского городища, здесь за внешней стороной стены цистерны был открыт склеп, в котором были обнаружены монеты Аркадия и Гонория²⁰. Таким образом, появились данные о сооружении этой цистерны не ранее середины V в. н. э. (до этого считалось, что все цистерны существовали только в первые века н. э.). Археологические исследования 1964—1966 гг. в юго-восточной части Херсонеса (работы Е. Г. Суорова и В. Н. Даниленко) позволяют отнести к средневековой еще одну прекрасно сохранившуюся цистерну.

Следующая стадия изучения херсонесских цистерн связана с составлением плана их расположения, который позволяет продолжить работу по систематизации цистерн²¹.

В результате раскопок 1959 г. был открыт важный эпиграфический памятник — почетный декрет в честь Папия²². Эта полностью сохранившаяся прописка дала много ценных данных о государственном строе Херсонеса во II в. н. э. и пополнила наши знания о херсонесском календаре.

Е. Г. Суворов опубликовал также несколько заметок по историографии Северного Причерноморья²³. Им составлена библиография книг и статей по всем вопросам античной истории Причерноморья, включающая более 5 тыс. названий работ на русском языке, собран материал для монографической работы, касающийся изучения истории названного района в XVIII — начале XIX в.

В. Н. Даниленко занимался изучением надгробных памятников Херсонеса эллинистического времени. Поводом для начала этих работ явилась замечательная находка серии расписных стел во время исследования в 1960—1961 гг. крупнейшей оборонительной башни Херсонеса, так называемой башки Зенона.

В ходе этих работ выявилось, что за облицовкой башни был скрыт второй ряд кладки, предназначенный для укрепления наружной облицовки. Башня, вероятно, возводилась в спешке, обусловленной обстановкой в Крыму во II в. до н. э.; строители употребили надгробные стелы, сооружения мемориального характера и из полученного камня построили внутреннюю и частично наружную часть башни Зенона.

Всего в этой обкладке зафиксировано 850 обработанных камней вторичного употребления (не считая нескольких сотен бутовых), среди которых почти половина — фрагменты надгробных сооружений и архитектурных памятников.

Херсонесские стелы по общему облику не отличаются от обычных типов греческого надгробия. Это — высокие вертикально стоящие плиты, несколько суживающиеся кверху. Средняя высота стел 160—170 см (наиболее крупные памятники достигали, вероятно, 200 см, а может быть, и более, самые маленькие не превышали 120—130 см; ширина стел от 48 до 27 см, толщина 22—11 см).

На лицевой грани стелы писалось имя умершего. При мужском имени указывалось имя отца, при женском — отца и часто мужа. Никаких иных сведений об умершем, никаких прощальных слов надписи не содержат. Иногда буквы надписи вырезаш-

¹⁹ О н же, Херсонесские цистерны, УЗСГПИ, вып. IV, 1948.

²⁰ О н же, Раскопки в северо-западном районе городища. СХМ, вып. II, 1961; Раскопки Уральского гос. ун-та им А. М. Горького в северо-западном районе в 1959—1960 гг., «Тезисы докладов в раскопках Херсонеса Таврического на античной секции Отделения исторических наук АН СССР и пленуме Ин-та археологии АН СССР, посвященных результатам полевых исследований в 1960 г.», Севастополь, 1961.

²¹ О н же, План расположения херсонесских цистерн, НИУРГУ, 1959.

²² О н же, Новая херсонесская надпись, ВДИ, 1960, № 3.

²³ О н же, Замечания к историографическому разделу в учебнике В. С. Сергеева «История древней Греции», ВДИ, 1952, № 3; о н же, Новые материалы по истории Боспорского государства, ВДИ, 1953, № 3 и др.

лись в камне и затем прокрашивались черной, красной или синей краской. Иногда же имя погребенного писалось краской прямо по поверхности. Существовал также обычай делать надписи на мраморной плитке и вставлять ее в специальную нишу. Среди находок в башне Зенона встречено несколько памятников с такими нишами, но, к сожалению, сами вставки не сохранились.

Хорошо сохранившаяся раскраска стел позволяет составить общее представление о живописном облике памятников и некрополя в целом. Кроме того, она обогащает наши знания о технике древнегреческой живописи. Для росписи стел херсонесские мастера применяли всего шесть красок — белую, желтую, красную, синюю, зеленую и черную. Раскраска выполнена в технике энкаустики и клейвыми красками. Причем оба вида техники применяются на одних и тех же памятниках. Все краски нанесены кистью.

Ниже надписи на многих памятниках высечены рельефные розетки: две на лицевой грани, по одной на боковых. На многих стелах в рельефе или красками изображены различные атрибуты: стригиль и арибалл, меч с португеей, схематическое изображение сучковатого посоха и тения с сосудом-алабастром. Выбор этих трех атрибутов связан с возрастом умершего. Четвертый атрибут — погребальная лента с подвешенным на ней алабастром был обычным украшением древнегреческих надгробных памятников. В Херсонесе тении украшали памятники женщинам.

Некоторые стелы завершаются карнизом, но чаще оформлены архитектурными деталями, характерными для венчающей части древнегреческого храма: акротериями, антефиксами и пр. Завершение стел — важный признак их архитектурного облика, положенный В. Н. Даниленко в основу классификации стел. Все памятники делятся на несколько типов: стелы, увенчанные треугольным фронтоном, стелы с антефиксами, стелы с одним большим акротерием в виде пальметы²⁴ и стелы, оканчивающиеся в верхней части профилированным карнизом. Первые два типа схематически повторяют форму храма с двускатной крышей (причем он показан то с фасадной, то с боковой стороны). В оформлении памятников последних двух типов использованы отдельные элементы храмовой архитектуры.

Архитектурное оформление памятников, их тип, по мнению В. Н. Даниленко, зависят от принадлежности их к женскому или мужскому погребению. Так, все памятники I типа, судя по именам или атрибутам, украшали могилы с погребениями женщин, все памятники II типа — мужчин.

Постаменты для памятников служили большие прямоугольные каменные блоки с профилированным цоколем и карнизом, раскрашенным в виде лесбийского киматия и ов. В верхних плоскостях всех постаментов вырезаны прямоугольные углубления, куда вставлялись пины стел. Вместе со стелами в башне Зенона найдено множество тщательно обработанных строительных блоков от ступенчатых оснований надгробных памятников. Общая высота надгробного памятника достигала, вероятно, 2,5—2,7 м. Отдельные стелы могли иметь высоту до 3,0—3,5 м²⁵.

Материалы, полученные в ходе изучения стел, в сочетании с другими ранее известными данными позволяют поставить некоторые вопросы истории Херсонеса эллинистического периода. Так, имена херсонесских граждан показывают, что среди последних наряду с греками были и представители местных племен²⁶. В башне Зенона найдены постаменты со специальными углублениями для установки антропоморфных надгробий. Вероятно, граждане не греки, хоть и восприняли эллинистическую культуру, все же сохранили отдельные элементы своих религиозных представлений. В. Н. Даниленко предприняла попытку реконструировать по именам ряд херсонесских семей, живших около рубежа IV—III вв. и в III в. до н. э.

В 1958 г. кафедра организовала Крымскую археологическую экспедицию, которая к настоящему времени превратилась в большую научную организацию, в ней сотрудничают Херсонесский историко-археологический музей, Харьковский гос. университет им. А. М. Горького и Пермский гос. ун-т. Работами руководили или руководят до настоящего времени кандидаты исторических наук С. Ф. Стржелецкий (зав. античным отделом Херсонесского музея), Е. Г. Суров, В. В. Кучма, В. И. Кадеев и В. Т. Сиротенко, кроме того, В. Н. Даниленко, И. А. Антонова, Р. Н. Токарева, Л. Г. Колесникова и др.

Экспедиция ведет работы в трех районах: позднеантичный могильник в Инкермане, северо-западный район Херсонесского городища и юго-восточный участок Херсонеса. Раскопки могильника в Инкермане были начаты Херсонесским музеем, который осуществляет и публикацию результатов археологических работ. Предварительные итоги работ в северо-западной части херсонесского городища освещены в ряде статей

²⁴ В. Н. Даниленко, Херсонесские акротерии, АДСВ, вып. 3, 1965.

²⁵ О н ж е, Опыт реконструкции херсонесского надгробия, АДСВ, вып. 2, 1963.

²⁶ О н ж е, Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э., АДСВ, вып. 4, 1966.

Е. Г. Сурова²⁷. Ниже мы несколько подробнее остановимся на третьем районе раскопок, который начал исследоваться в 1963 г. Раскопки здесь рассчитаны на много лет, ведутся широкой площадью (около 2 тыс. м²) и ставят перед собой ряд целей.

Первая и важнейшая цель — это детальное изучение стратиграфии Херсонесского городища. Дело в том, что в дореволюционное время исследователи Херсонеса суммарно делили культурный слой на четыре периода: классический, эллинистический, римский и средневековый. Хотя постепенно картина эта уточнялась, однако, все же не была выявлена вся сложность стратиграфии многовековых напластований. А без этого невозможно конкретизировать наши представления о различных группах археологического материала, о более точной и детальной датировке каждой из групп, о различных строительных периодах и крупных этапах истории Херсонеса. В соответствии с такой задачей было выбрано и место для раскопа — в юго-восточной, портовой части города, где жизнь продолжалась, вероятно, от его основания и до самого конца. К тому же культурный слой в данном районе наиболее значителен.

Одновременно ведется разработка методики полевого исследования Херсонесского городища широкой площадью в соответствии с его стратиграфией. Наконец, немаловажное значение раскопки имеют как серьезная археологическая школа для большой группы студентов-историков. Отметим некоторые результаты работ в северо-западной части квартала (В. Н. Даниленко).

Здесь первые два слоя дали характерный материал последних веков Херсонеса. Были открыты две усадьбы. Одна из них имеет выход на улицу и включает дом из трех помещений (в первом этаже) и примыкающий к нему обширный двор. Одно из помещений представляет собой проход или коридор, ведущий во двор с улицы. Оно сообщалось со двором проемом, перекрытие которого опиралось на колонну белого мрамора. Обломанный ствол колонны найден вблизи от места, где она некогда стояла. Под двумя другими помещениями были глубокие подвалы.

Частично сохранилась кладка стен первого этажа. Стены, сложенные из больших, сравнительно хорошо обработанных блоков, достигали толщины 70—75 см, а иногда и более. Такие массивные стены способны нести нагрузку двух или даже трех этажей каменной кладки. Наличие второго этажа в нашем доме подтверждается находкой ряда карнизов, профиль которых указывает на то, что они были помещены на линии междуэтажного перекрытия. Немногочисленность помещений в первом этаже — всего два (узкое помещение без третьей стены не могло быть жилым или хозяйственным, а носило подсобный характер), также заставляет предполагать второй этаж.

На улице, перед домом, и в подвалах найдены арочные камни и архитектурные детали. Арки были украшены орнаментом из прочерченных полос и волнистых линий (сохранились следы красной краски). Этими деталями были оформлены проемы окон и дверей.

Таким образом, по отдельным деталям можно восстановить внешний облик городского дома. Он выходил фасадом на красную линию застройки улицы. Кладка лицевой стороны стены сравнительно чистая и аккуратная. Фасад украшает архитектурная обработка проемов и роспись. Один из выходов ведет прямо в помещение первого этажа, другой — во двор. Крыша дома была черепичной (во всех помещениях на полу лежала сплошным завалом черепица, из которой подобрано около сотни целых экземпляров). Попутно отметим, что соседние усадьбы, как и описанная, обращены к улице, их наружные стены сложены из таких же хорошо обработанных камней.

Площадь двора — около 72 м². В дальнем от дома конце двора поперечной стеной был отгорожен угол и над ним сделан черепичный навес. Под навесом стояли три пифоса. Впоследствии стена была продолжена, и двор оказался перегороженным на две части. Прямо против входа во двор была сооружена кладовая. Во дворе сохранились остатки овальной в плане печки. Среди разнообразного материала, найденного при раскопках усадьбы, выделяется группа поливных сосудов.

Усадьба погибла при сильном пожаре, была поспешно покинута жителями, благодаря чему многие керамические изделия сохранились полностью. Особый интерес представляет группа блюд, тарелок, чаш, кувшинов, изготовленных несомненно одним и притом херсонесским мастером²⁸.

Особенно важными объектами раскопок последних лет на этом участке явились две рыбозасолочных цистерны. Засыпь одной из них относится к XI—XII вв., а второй к VIII в. Цистерны дали значительное количество целых сосудов, что позволило уточнить датировку нескольких групп амфор.

Пока за пять лет работ удалось снять лишь средневековые напластования. Раскопки античных слоев — задача ближайших лет. Северо-западная часть квартала,

²⁷ Кроме упоминавшихся выше статей укажем следующие работы: Е. Г. Сурова, Херсонес Таврический, Свердловск, 1964; он же, К истории северо-западного района Херсонеса Таврического, АДСВ, вып. 3, 1965.

²⁸ В. Н. Даниленко, Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического, УЗПГУ, № 143, 1966.

вероятно, вся была занята большим зданием IV в. до н. э., несколько помещений которого раскопаны еще в дореволюционное время и вошли в литературу под названием «казармы».

С 1968 г. планируется начало исследований в горном Крыму. Первый сезон будет посвящен разведочным работам.

Коллектив объединенной экспедиции будет заниматься изучением и публикацией полученного материала. Начата работа над монографией, в которой будут освещены итоги десятилетней работы в северо-западной части Херсонесского городища. Готовится издание различных групп средневековых керамических изделий (поливная посуда, амфоры, черепица). В дальнейшем предполагается опубликовать и другие материалы, а также полный отчет о раскопках.

Обильные находки позволяют ставить, уточнять или решать некоторые вопросы общенсторического характера. К их числу прежде всего относится проблема перехода Херсонеса от рабовладельческого к феодальному строю. Нуждается в дальнейшем изучении вопрос о времени гибели Херсонеса. Существующая точка зрения о прекращении жизни города в 1399 или даже в 1299 г. не подтверждается найденным материалом. Спорен в свете новых находок и вопрос о том, с какого века можно считать Херсонес феодальным городом.

Появилась возможность уточнить время начала производства поливной керамики в Херсонесе, время бытования отдельных ее групп, а равным образом и некоторых групп тары. Ряд аспектов истории торговли, ремесла, быта средневекового города могут быть конкретизированы или рассмотрены по-новому.

Н. Н. Белова, В. Н. Даниленко, Е. Г. Суров

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В КАЗАХСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, которое только что отметила вся наша страна, историки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова также встретили с определенными достижениями в подготовке учительских кадров и научных работников в области изучения истории СССР, истории Казахской ССР и всеобщей истории.

Казахский университет был открыт в 1934 г. в г. Алма-Ате. В 1943 г. из состава филологического факультета университета было выделено историческое отделение с одной кафедрой истории, объединявшей историю СССР и всеобщую историю. Чтение лекционного курса по древней истории в университете было начато проф. Н. М. Пакулем, эвакуировавшимся в Алма-Ату в период войны. В 1948 г. историческое отделение филологического факультета было преобразовано в исторический факультет со стационарным, заочным, а затем и вечерним обучением. При факультете были созданы три кафедры: истории СССР, истории Казахской ССР и всеобщей истории. В течение пяти лет, начиная с 1952 г., кафедрой всеобщей истории заведовал проф. А. А. Алиев. Научные интересы проф. А. А. Алиева были сосредоточены в области русской дореволюционной науки по истории стран древнего Востока. Им были опубликованы некоторые работы, в том числе статьи: «Великий русский синолог (к 180-летию со дня рождения Н. Я. Бичурина)», «Вестник АН КазССР», 1957, № 8; «Отечественные путешественники в страны Востока», «Вестник АН КазССР», 1956, № 12 и др.

В 1963 г. на факультете открылось еще два отделения — философии и политэкономии.

В связи с расширением объема работы исторического факультета на кафедре всеобщей истории значительно увеличилось количество часов по истории древнего мира. В 1963 г. для преподавания древней истории на кафедру были приглашены два старших преподавателя — В. А. Набатова и Г. А. Нуртазина. С приходом на кафедру Г. А. Нуртазиной, казашки по национальности, на факультете началось преподавание истории на казахском языке, что во многом способствовало повышению успеваемости студентов казахской национальности по истории древнего мира.

С образованием при кафедре всеобщей истории секции древней истории (состоящей теперь из трех преподавателей), на факультете появилась возможность более широко

планировать научно-исследовательскую и научно-методическую работу. Был разработан спецкурс «Историография античности» и спецсеминар «Культура древней Греции», которые по решению Ученого совета уже несколько лет преподаются на факультете.

Программа спецкурса «Историография античности» была составлена на основе опыта преподавания истории древней Греции и древнего Рима, накопленного кафедрой за период времени свыше двух десятков лет. На основе программы спецкурса составлен проспект учебного пособия «Историография античности». Программу спецкурса и проспект учебного пособия обсуждали и рецензировали члены кафедры всеобщей истории нашего университета, а также историки Москвы, Ленинграда и Воронежа. Краткое сообщение о структуре проспекта было в свое время опубликовано в ВДИ, 1963, № 4. Программа спецкурса в соответствии с поступившими запросами из вузов выслана в пединституты Усть-Каменогорска, Сыктывкара, Кокчетова и других городов. В настоящее время готовится второе (переработанное и дополненное) издание программы.

Лекционный спецкурс «Историография античности» знакомит студентов с трудами историков прошлых поколений и с современной историографией — марксистской и буржуазной. Разбор и критика буржуазных концепций убеждают студентов в том, что применение марксистско-ленинской методологии к изучению истории древнего мира дает единственно верное и научное представление о ходе исторического процесса.

С интересом работают студенты также в спецсеминаре «Культура древней Греции». Обсуждение докладов спецсеминара носит характер дискуссий. Занятия в семинаре позволяют убедиться в том, что древнегреческая культура была культурой рабовладельческого общества. Студенты знакомятся с великими творениями Эсхила, Софокла, Эврипида, Фидия, Мирона, Поликлета и других, которые еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца» (К. Маркс). Занятия в семинаре подводят студентов к выводу, что античность во всем ее многообразии выступает на каждом шагу и в нашей современной жизни, общественной и личной, что коммунистическая культура опирается на преемственность и связи с достижениями культур прошлых эпох, в том числе античной, что культура коммунизма, «вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества» (Из Программы КПСС). Отдельные доклады студентов по своей содержательности и самостоятельности мысли и связи с современностью заслуживают того, чтобы быть названными (например, доклады: «Миф о Гермесе» А. Джакфарова, «Миф об аргонавтах» А. Урасова, «Диалектика Гераклита» Ю. Юрковского, «Образование древнегреческих архитектурных ордеров» Ю. Бирюкова и Н. Жанасбаева, «Происхождение олимпиад» Т. Смогоржевской и др.).

Ведущей темой научно-исследовательской работы по истории древнего мира на кафедре является тема «Советской историографии античности», которая, как монографическое исследование, в 1965 г. была включена в пятилетний план Координационного совета по историческим наукам при АН КазССР. По этой теме работают преподаватели, студенты и группа соискателей кафедры. В процессе работы над отдельными проблемами этой темы работники КазГУ обменивались мнениями и консультировались со специалистами ведущих научных центров Москвы и Ленинграда. По этой проблеме были опубликованы отдельные статьи: «Об одной из важных проблем античной истории» (в журнале Министерства народного просвещения Казахской ССР «Халык муртиси» — «Народный учитель», 1959); «Проблема крушения античного рабства в советской историографии», в «Ученых трудах КазГУ им. Кирова, кафедра всеобщей истории и государственного и международного права», Алма-Ата, 1964, стр. 219—243). Исследовательская работа по данной проблеме продолжается. Подготовлены к печати статьи: «К вопросу о роли варваров в период поздней Римской империи» и «Народные движения древнего Рима в советской историографии».

К изучению проблемы «Падение античного рабства в советской историографии» привлечены также студенты, занимающиеся в научном кружке по истории античности. Подготовлены и успешно защищены дипломные работы на темы: «Проблема падения Западной римской империи по материалам дискуссии 50-х годов», «Проблема колоната в советской историографии», «Вопросы классовой борьбы в советской романистике», «Советские историки о народных движениях в Западных провинциях Рима». По последней теме студент В. Хроль сделал доклад на межвузовской студенческой научной конференции в Ташкенте, отмеченный Почетной грамотой.

Второй проблемой по теме «Советская историография античности», разрабатываемой на кафедре, является «История крито-микенского общества в советской историографии». По этой теме была опубликована статья «Крито-микенское общество в советской историографии» («Ученые труды КазГУ им. С. М. Кирова, кафедра всеобщей истории», Алма-Ата, 1967, стр. 298—339).

Значительную консультативную помощь кафедре в изучении крито-микенской проблемы оказали ученые Москвы и Ленинграда. Автором этих строк в апреле 1966 г. на секции микенологии Восьмой Международной конференции — «Античность и современность» (в г. Брно, Чехословакия) был сделан доклад на тему «Крито-